

Личный опыт

Онкоздоровый Павел Верстов

Февраль – месяц, в который отмечают Всемирный день борьбы со злокачественными новообразованиями, Всемирный день больного и Международный день детей, больных раком

Материал с сегодняшним героем задумывала давно – сначала не в связи с болезнью, теперь, к сожалению, рак стал главным поводом. Особенно, в феврале.

Не ошибусь, назвав фамилию Верстов одной из самых известных в Магнитогорске и уж точно самой популярной среди журналистов, особенно после создания Павлом Борисовичем информационного сайта собственного имени. Знакомы с ним сто лет, называемся уж если не друзьями, то точно приятелями. Я радовалась спокойному благополучию его семьи: жена-соратница, старший сын, помогающий в работе младший сын, решивший посвятить себя айти-технологиям, ради чего Верстовы отправили его учиться далеко от дома. Помню, на последнем школьном звонке, который для Тимофея Верстова прозвенел в мае 2019-го, молодой человек с какой-то особенной надеждой смотрел вдаль, а Лена, его мама, стараясь не прослезиться, говорила: «Вот только держала его маленькую ручонку, а теперь всё – разлетаются птенцы, пора отпускать».

О том, что у Павла Верстова диагностировали рак, да ещё в четвёртой стадии, можно сказать, узнала вся Магнитка, причём из его собственных уст: узнал о диагнозе в мае, и планы, связанные с обустройством сына в чужом городе, теперь предстояло заменить тяжёлым времяпрепровождением в больнице – столичной клинике при медуниверситете имени Сеченова. Вопреки ожиданиям, в Москве Павел Борисович лечился в рамках полиса ОМС бесплатно, и так может сделать каждый, нужно только получить в Магнитогорске справку 57/У – направление в стационар. Правда, без денег всё же не обошлось: полис не предусматривает выбор врача и дополнительные формы диагностики, а Верстов хотел, чтобы оперировал его именитый профессор Царьков, который уже не проводит операции, а лишь даёт мастер-классы ученикам, в том числе, из университетов Европы, США, Израиля...

Сначала, как многие, Верстовы скрывали болезнь. И в первом же своём блоге – а Верстов нынче ведёт специализированную группу «ВКонтакте» и собственный ютьюб-канал – Павел Борисович рассуждал о том, почему именно в России принято скрывать онкодиагноз.

Он, вопреки желанию всех, даже собственной жены, раскрыл все карты. Это, признаётся теперь Павел Верстов, помогло ему раньше «подружиться» с диагнозом и вообще пересмотреть своё к нему отношение

В Москве проведена операция по удалению опухоли, метастазы сейчас уничтожает химиотерапия в областном онкологическом диспансере Магнитогорска, куда Павел Борисович ложится на выходные каждые две недели. Как говорят врачи, наблюдается слабая положительная динамика. Впрочем, пусть обо всём он расскажет сам. Передаю беседу почти без редакций.

– Честно, термин «слабая» расстроил, но мне сказали: «Не гнечи бога, главное – положительная, значит, добьём», – смеётся Павел в

Павел Верстов

начале разговора. – Как бы пафосно ни звучало, сегодня свой диагноз воспринимаю как журналистское задание. Будто кто-то «сверху» хочет, чтобы, пропустив через себя, я вынес это в публичную плоскость и, «наладив» себя, помог сотням других. А может, это моя маленькая психотерапия. Это «пришло» осенью, когда началась химиотерапия. Представь, когда человек, каждая минута которого раньше была распланирована, вынужден часами лежать и мерить время каплями раствора, мерно падающими в капельнице. Это, конечно, «переколлабшивает» не на шутку. Меняется восприятие действительности – не взгляд на жизнь, а именно восприятие, и это не только «травка зеленее и солнце ярче». Главная ошибка людей в восприятии рака – уверенность в том, что «это может случиться с кем угодно, только не со мной». И я так думал, и говорил тем, у кого оказался рак, искреннее, но всё-таки дежурное: «Держись». А теперь мне это говорят по сотне раз каждый день. А как держаться, за что – кто бы подсказал? Но никто не знает, и я сам не знаю, и мне жалят держаться, и я обещаю держаться *(смеётся)*. Потом начался блог, который так и назвал: «Онкоблогер Верстов». Сначала публиковал мысли на собственной странице «ВК», потом понял, что каюсь человеком одной темы – это покорило. Хочу, чтобы моя жизнь была во всех ключах и не была зациклена на онкологию. Поэтому сделал отдельную группу в «ВК» и ютьюб-канал, где ежедневно выставляю трёх-пятиминутный видеоролик: ощущения, новые знания об онкологии, с кем общался, что думаю по поводу того или иного лекарства... У меня

около 500 подписчиков, география широка – передают привет даже из Казахстана.

– Направленность твоего сайта предполагает, как ни крути, наличие недоброжелателей. Что пишут они?

– Плохого не пишет никто – разве что в комментариях в спорах по поводу лекарств, врачей и прочих вопросов могут перегнуть палку. Недоброжелатели есть, и они молчат – наверно, ведут себя благородно. Бывает, пишут гадости на «Верстов.инфо», но только по поводу публикаций. А вот поддержка друзей тронула до слёз, причём и материальная, я ведь не планировал болезнь, операцию, не откладывал средств. Звонят Антон Чайка с женой Татьяной – в девичестве Яковлевой: «Чем помочь?» Чем может помочь человек, хоть и работающий в ХК «Металлург», но за среднестатистическую зарплату, и жена-предприниматель, которой всегда нужны деньги на форсмажор, грозящий малому бизнесу в любой момент? Улыбнулся: «Ну, помолитесь». И вдруг на счёт поступает внушительная сумма – откладывали на проект, но приняли решение отдать мне.

– А если про поддержку моральную: не надоедают сотни «держись» и «выздоровляй» каждый день?

– Совру, если скажу, что ежедневное возвращение меня к диагнозу постоянно радует. Но в моменты уныния, а они, как ты понимаешь, иногда случаются, искренние слова дают огромную моральную поддержку. Кто-то ставит в храмах свечи, заказывает сорокоуст – и мысль о том, что где-то горит огонёк, зажжённый от всей души для тебя, необычайно греет, хоть

человек я, к сожалению, не сильно религиозный. Поразил звонок Елены Владимировны Азовцевой – старшего менеджера управления информации, общественных связей и рекламы ПАО «ММК», с которой много общались по работе, и не всегда, честно скажу, в благостных тонах, поскольку на многие вещи взгляды наших СМИ расходятся. Звонит и находит такие простые, но важные и искренние слова... И таких звонков было много, после них – кулаком по столу: «А пошло оно всё, теперь назло всем болячкам выздоровею и со всеми этими людьми сяду за большой стол и выпью чаю» *(улыбается)*.

– Значит, получается, в иные минуты ты не готов бороться?

– Процесс отрицания – когда думаешь: «Этого не может быть, это ошибка», а потом: «Чем терпеть, лучше сразу умереть» – был долгим, и это проходит каждый, кому поставили диагноз «рак». Повторю: особенно трудно потому, что каждый живёт с уверенностью, что с ним этого никогда не случится. Потом, успокоившись, узнал, что и с четвёртой стадией пять процентов выживаемости в течение пяти лет, успокоился и принял решение жить и бороться. Помогли наблюдения за пациентами сеченовской больницы: все с аденокарциномой, как и я, но у всех разный настрой. Были те, кто плюнул на себя, выслушал диагноз как приговор и лёг ждать смерти. Видел и тех, кто дал смерти бой. Был москвич Григорий, который ложился в больницу на химиотерапию на два дня. С шутками, прибаутками и конфетами для медсестричек говорил: «Ну-ка, девочки, ширните-ка меня – и снова на волю». А у меня как раз ломка, я смотрел на него и думал: чему ты радуешься? Потом лежали втроём в палате – я, дед Виктор Васильевич с окладистой бородой и Алексей. Мы с дедом травил анекдоты, а Алексей гундел из-под одеяла: «Чего вы смеётесь, идиоты, мы ведь умрём!» Понятно, что с таким настроем долго не протянуть. А я принял решение жить.

– Уверена, львиную долю этого настроения внушила тебе твоя жена – Ленка твоя, уж я-то её знаю.

– *(Смеётся)*. Ленка моя – она даже в телефоне записана так. Всегда тащила меня своей активностью и поддержкой. Конечно, много плакала, вижу иногда её красные глаза и сейчас, но делаю вид, что не замечаю. Она не просто верит – безапелляционно ждёт ремиссии. Сказала мне: «Ты обязан победить, иначе подведёшь меня, детей и всех, кто в тебя верит». Как понимаешь, выхода у меня нет *(улыбается)*.

– Верстов, ты знаешь мою прямолинейность, так что не обижайся: ведь ты сам виноват в том, что после ухода из жизни от рака отца не мониторил своё здоровье, зная, что рак – это наследственность.

– Как раз мониторил: ежегодно сдавал кровь на онкомаркеры, получал отрицательный результат и жил спокойно. Рак ведь не болит, развивается бессимптомно. Тщательно обследовать абсолютно весь организм – это утопия, а онкомаркеры, как оказалось, эффективны наполовину: могут показать, а могут не показать. У каждого онкология уникальна, как отпечатки пальцев. Из-за химии пропал аппетит – как отщепало, однако не похудел ни на килограмм и не потерял ни одного волоса. Но в любой момент могут поменять лекарства – и я, может, облысею и скудну. Появилась интересная побочка от химии – не могу касаться холодного, обжигает. При этом

другая побочка – нет чувствительности в кончиках пальцев, и даже застёгивать рубашку помогает жена. Онкология непредсказуема и тем страшна: если бы развитие шло одинаково, был бы алгоритм лечения, а тут не знаешь, куда выстрелит – где появятся метастазы в следующий момент, поэтому назначают агрессивные химические препараты. Правда, вредя раку, химия вредит и всему организму – это плохо, это расстраивает, и здесь опять поддержка родных – самое важное. Ленка моя бесконечно спрашивает, чего мне хочется, и бегаёт с передачками. Она любит не жалостью, а собранностью и волей. Мне плохо после химии – она уже звонит докторам: куда сходить, что сдать и при каком результате что принять. Кстати, важный момент: к сожалению, наши врачи мало общаются с пациентами. Не потому что не хотят – их в разы меньше, чем нас. Пациенты варятся в собственном соку: врач что-то назначает, а дальше, чтобы понять, что происходит, человек лезет в интернет-чаты, на форумы, а там такое понаписано, что не дай бог! Вот я – человек грамотный, адекватный, и то чуть не поддался на лечение содой, керосином и прочими народными средствами. Это тоже стало причиной создания онкоблога. Есть идея создать общество онкобольных – хочу назвать его «Онкозависимые»: встречаться, общаться, делиться опытом, приглашать с лекциями докторов.

– Ты лечился в Москве, Магнитогорске, поддерживаешь связь с зарубежными клиниками – в чью пользу будет сравнение?

– В Магнитогорске прекрасные доктора: грамотные профессионалы, к тому же, прошедшие стажировки, повышение квалификации в лучших клиниках страны и мира. Последний год стал рекордным и по оснащению диспансера современным оборудованием. Я не видел ни одного пациента, недовольного доктором. Вернее, видел недовольных большими очередями, в чём врач, разумеется, не виноват. При всём уважении к профессионализму докторов советую всем слушать мнение второго врача – со стороны. У каждого свой опыт, своя методика, наитие. И, кстати, сами доктора, когда предупреждаешь, что пойдёшь за вторым мнением, относятся к этому благожелательно и даже просят рассказать, что скажет другой специалист.

– Паш, прости, не могу обойти вопрос: что дальше?

– Колоректальный рак считается одним из самых распространённых, агрессивных, но, к счастью, гарантированно излечимым на ранних стадиях: на первой – в 85 процентах случаев, на второй – в 70. Третья стадия – 43 процента, рак уже «брызжет» метастазами. Четвёртая стадия, повторяю, – это пять процентов выживаемости в течение пяти лет. Когда живёшь с тем, что срок отмерен, наступает определённая и всё легче и понятнее, жизнь снова становится полноценной. Ты более внимателен, что ли – к приятным мелочам, хорошим людям, удивительным ощущениям. Конечно, приложу все силы, чтобы победить статистику – прожить и десять, и двадцать, и тридцать лет... Пациент я послушный, организм молодой, сильный и хорошо сопротивляется болезни. Но главное – очень хочется выполнить задание «сверху»: пропустить через себя, научить других онкобольных, как стать онкоздоровыми.

Пусть всё так и будет, Павел Борисович!

✍️ Рита Давлетшина